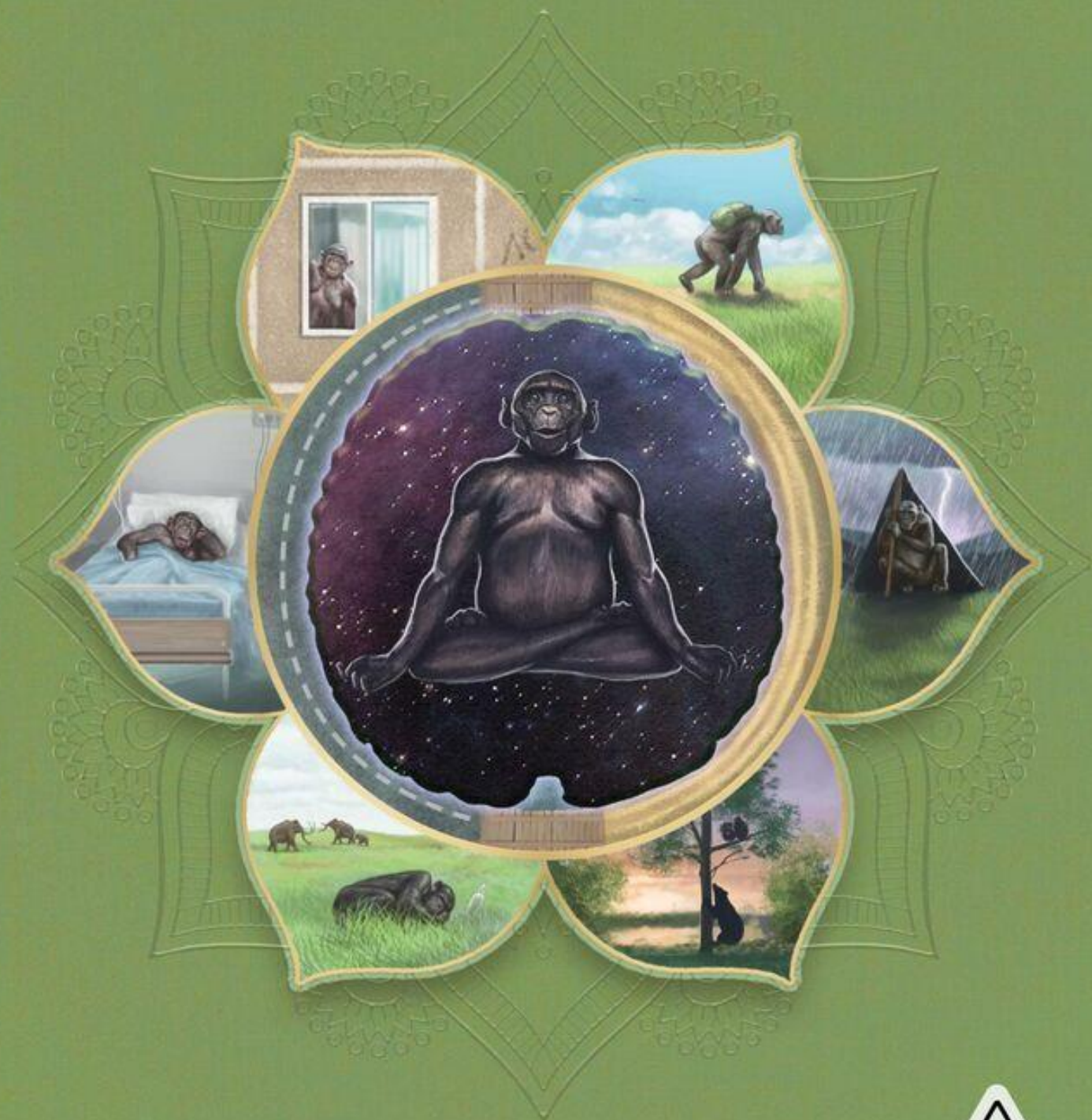

18+

АЙДАР МУСТАФИН
Просветлённая
ОБЕЗЬЯНА

ДОЛГАЯ ДОРОГА

Айдар Мустафин

**Просветлённая
обезьяна. Долгая дорога**

«Издательские решения»

Мустафин А.

Просветлённая обезьяна. Долгая дорога / А. Мустафин —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Дом — это лучшая остановка в путешествии под
названием жизнь. Прежде чем понять это, мне пришлось совершить
путешествие, наполненное разными событиями. Долгая дорога — это версия,
содержащая «Здравствуй, Витя» — произведение, включенное экспертным
советом Литературной премии «Лицей» имени Александра Пушкина
в длинный список IX сезона. Книга содержит нецензурную брань.

© Мустафин А.

© Издательские решения

Содержание

Диагноз	6
Океан трезвости	6
Большой лопух	8
Пустые тропы	12
Врачебная тайна	16
Асфальтное путешествие	20
Странные дела	23
Вождь красномордых	27
Дорога никуда	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Просветлённая обезьяна Долгая дорога

Айдар Мустафин

Дизайн обложки Данияр Аянович Альжапар

Редактор и корректор Наталья Станиславовна Астанина

Редактор и корректор Лилия Магनावиевна Аслямова

© Айдар Мустафин, 2026

ISBN 978-5-0067-8306-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Диагноз

Океан трезвости

Дома хорошо. Дома и дождь не доставляет дискомфорта, потому что идёт за окном и не приходится мокнуть. Человеческая жизнь может наполниться комфортом благодаря крохотному глотку горячего напитка вроде кофе или чая. А вот алкогольные напитки могут наполнить жизнь болью, иногда приключениями, но зачастую алкогольные вливания заканчиваются не очень хорошо. Я знал об этом по личному опыту, именно поэтому не пил уже давно. Пришлось убедить себя, что трезвость — это океан возможностей, в котором легко утонуть, поэтому нужно искать горизонт и прикладывать усилия, чтобы плыть. А пьянство — это река, которая кажется блаженной, но её течение неумолимо несёт вдаль, где она обрывается водопадом в бездну страданий.

Это банально, но легко плыть по течению. Выпить чего-то алкогольного тоже легко, как и выкурить сигарету. А вот отказать себе в этом — уже усилие. Истории про алкоголиков могут быть интересными и смешными, возможно, даже увлекательными. А что может рассказать трезвенник? Про то, как правильно есть по утрам брокколи и цветную капусту? Я даже не знаю, как выглядит цветная капуста.

В тридцать лет я оставался молодым и безработным. На последнем месте работы (о котором не хочется рассказывать) меня сократили из-за кризиса. В экономике я не силен, поэтому о кризисе услышал впервые, когда меня вызвали в отдел кадров и вручили уведомление. Мне выплатили компенсацию в несколько окладов и отпустили. Моё место занял чей-то родственник. На его трудоустройство, по всей видимости, кризис повлиять не мог.

Целыми днями я пытался найти работу. Служба занятости отправляла меня колотить гробы, работать на стройке или санитаром в морге. Я побывал везде, но нигде меня не взяли. Такая работа была непростой, и люди на ней крепко пили. Куда бы я ни пришёл, глядя на моё трезвую физиономию, во мне видели чужака. Будто алкоголизм — это неотъемлемая часть тяжёлых профессий, не требующих специальной подготовки. Будто единственное, к чему я должен быть готов, — к постоянному употреблению. Я бы точно спился, если бы устроился на подобную работу. Но кадровики ставили мне пометку об отказе, и я уходил обратно в службу занятости.

Я когда-то работал в больнице, там всюду был спирт, и его использовали не только в медицинских целях. Это была своеобразная валюта. Отремонтировал замок в хирургии — получил пузырёк.

Из больницы я давно ушёл. И вот теперь опять не мог найти работу. Нормальную, подходящую работу, на которой не нужно пить. Мне это надоело. Я решил, что пора в жизни что-то менять. Нет, я не занялся бизнесом и не записался на курсы про «успешный успех», я собрал рюкзак и отправился в путешествие, решив тратить деньги, полученные после сокращения, лишь на самое необходимое.

Началось моё путешествие с того, что я несколько часов шёл пешком за город, чтобы поймать машину. Там я столкнулся с первой проблемой. Я шёл по обочине. Метрах в двадцати от дороги стоял кирпичный домик с продырявленной крышей, из которого неожиданно выбежала огромная собака. Я впал в ступор и не знал, что делать. Эта мохнатая верзила приближалась ко мне и хрипло лаяла, открывая клыкастую пасть. Чтобы она не откусила мне ползадницы, я скоренько перебежал трассу. Собака осталась на другой стороне и лаяла мне вслед. К моему счастью, на трассе было довольно оживлённое движение, и псина не рискнула рвануть за мной.

Выйти на дорогу для меня оказалось непросто. Я не был крутым автостопщиком и поэтому неумело и неуверенно поднял руку с вытянутой ладонью и принялся ждать, когда меня кто-нибудь подберёт. Многие проезжавшие мимо даже не обращали на меня внимания, а некоторые лишь бросали короткий взгляд. Я простоял минут сорок, пока меня не подобрал приветливый старик, ехавший с внуком на дачу. Старик рассказал мне, что в юности занимался подводным плаванием, что работал дантистом, даже сообщил, где живёт. С этого словоохотливого водителя и началось моё путешествие.

Спустя две ночи и каких-то пятисот километров я начал привыкать к дороге. Мне казалось, она впустила меня в свои распростёртые объятия. Я успел прокатиться на фуре и на мотоцикле. Глядя на поля и леса, я понимал, насколько необъятен мир за пределами бетонной коробки, в которой я жил. Каждый день мне доводилось встречать новых людей, от которых я узнавал много нового, и это удивляло меня и даже порой завораживало, а иногда надоедало.

Однажды на дороге я попал под проливной дождь. Он обрушился на меня внезапно, и лишь после раздался гром. Пока я ставил палатку, я весь вымок, да и палатка никак не поддавалась. Я успел спрятать рюкзак под деревом, а когда оказался внутри своей крепости, переоделся в сухую одежду. Сделать это оказалось не так-то просто.

Слушая завывание ветра, я уже подумывал о торнадо, который мог закрутить меня, и тогда путёвка в волшебную страну мне была гарантирована. Но в тех краях не бывало торнадо, зато дождь казался бесконечным. Я не мог разогреть еды или сделать горячий чай, поэтому мне приходилось пережидать стихию, замерзая в не слишком прочной палатке.

Когда мне начало казаться, что я обречён, снаружи послышался скрип тормозов. Затем за стенами моей обители раздался голос. Я выглянул из палатки и обнаружил два силуэта. Незнакомцы были одеты в дождевики и светили в меня фонарём.

— Это ты по грибы ушёл? — спросил один из них.

— Да этот молодой, — возразил другой.

— Ты чего тут делаешь?

— Загораю! — ответил я. — Не видно, что ли? У вас крема от загара случайно не найдётся?

— Ты тут старика не видел? За грибами ушёл два дня назад, мы его найти никак не можем.

— Не, мужики, не видел.

Парни оказались спасателями. По их прогнозам дождь должен был идти до самого утра, поэтому они предложили мне поехать с ними. Я, разумеется, согласился. В машине на меня надели спасательный жилет, то ли забавы ради, то ли чтобы в луже не утонул, и напоили горячим чаем с лимоном. Так парни спасли меня от стихии, и мы вместе отправились в неизвестном (для меня) направлении.

Привезли они меня в какую-то пожарную часть. Выглядела она настолько древней, будто построена была динозаврами в попытке спастись от пламени, обрушившегося вместе с метеоритом. Внутри помещение оказалось более приятным. Встретил нас полусонный караульный, он выделил мне койку и сказал:

— Ты только постарайся уйти до развода, а то вдруг начальство приедет.

Спасатели оставили меня, а сами отправились на поиски грибника.

Проснулся я рано утром, пожарные угостили меня завтраком, я их поблагодарил и отправился в путь. Мир стал расширяться. Просторы, среди которых я оказался, демонстрировали мне несоизмеримое ни с чем величие и великолепие жизни. Стены моей комнаты вдруг рухнули, и я оказался среди бесконечности. Дорога уходила вдаль, за горизонт, а я шёл следом.

Большой лопух

Океан трезвости выбросил меня на просёлочную дорогу. Я долго шёл, солнце напекло голову, и мне хотелось пить. Хотелось, чтобы дождь вернулся. Я подумал, что вообще мог лежать в прохладной квартире и напиваться до беспамятства, но предпочёл путешествие. Да, это самое увлекательное путешествие, из которого постоянно хочется вернуться домой.

Я устал и решил прилечь на травку. Я мечтал о том, чтобы поблизости оказался огромный лопух-мутант, под которым я мог бы скрыться от солнца. Но никакой подобной растительности поблизости не было.

По просёлочной дороге ехал старый прицеп от автомобиля, запряжённый лошадью, которая выглядела немного уставшей. Остановилось это транспортное средство прямо напротив меня.

— Живой хоть? — спросил бородатый старичок, управлявший повозкой.

— Вроде да, — ответил я.

— Это тебя кучерявый на тракторе подвозил?

— Да, меня тут высадил, а сам за самогоном поехал.

— Встретил я его, просил посмотреть, не сгорел ли ты тут под солнцем. Подвезти?

— Погнали, — сказал я и подошёл к повозке.

Кузов был заполнен сеном, на котором уютно расположились мужчина лет пятидесяти и молодая девушка. Девушка спала. Мужчина взял у меня рюкзак, положил его рядом, подал мне руку. Я запрыгнул внутрь, старик скомандовал лошади, и мы поехали.

— Боно, — сказал мужчина, протянув мне руку.

Я в недоумении её пожал.

— Что это значит?

— Это моё прозвище — Боно. Сокращённо от бонобо, приматы такие. А у тебя какое прозвище?

— Не знаю даже, что и сказать. Обычно люди свои имена называют.

— А ты разве не в лагерь едешь?

— Какой лагерь?

— Ну этот, для тех, кто ищет просветления. Лагерь, в который нужно входить, забыв прежнюю жизнь, и поэтому лучше придумывать себе прозвище вместо имени.

Боно сообразил, что я не понимаю, о чём он, и объяснил:

— Это дочь меня надоумила. — Он кивнул на спящую в сене девушку. — Пойдём, поговорим, съездим. С людьми пообщаемся. Лагерь там, на берегу реки, никакого алкоголя, наркотиков и много умных людей. А я человек общительный. Вот и согласился.

— Далеко этот лагерь находится? Сколько там вход стоит? Мне бы воды попить, а то у меня кончилась. Может, у них есть.

Боно достал из своего рюкзака бутылку воды и протянул её мне.

— Без воды мы ничто, — сказал он.

— Спасибо.

— Мы вроде приехали почти. Проживание там бесплатное. Я так понял, что это просто лагерь для людей с разными интересами. Я бы даже сказал, с не совсем традиционными интересами.

Дочка Боно проснулась и приподнялась. В её чёрных густых волосах застряло сено. Она была настолько красивой, что мне показалось, будто я сразу в неё влюбился.

— Здравствуйте, — сказала она, посмотрев на меня.

— Доброе утро, — ответил я, хотя дело двигалось к вечеру. — А какое у тебя прозвище?

Она сначала засмушалась, а потом сказала:

— А я ещё никому не говорила.

— Мне говорила, — сказал Боно.

— Я имею в виду, что не представлялась так перед незнакомцами. Я Роза.

Она протянула мне руку.

— Красивая, но с шипами? — спросил я, пожав хрупкую ладонь.

— Нет. Просто когда мы с папой придумывали прозвища, мы проходили мимо магазинчика с цветами. Я увидела розы и решила взять такое прозвище.

— А почему «Роза»? Почему не «Магазин» или «Тротуар»?

Роза с удивлением посмотрела на меня.

— Не знаю, — ответила она, пожав плечами. — Мне так захотелось. А у тебя какое прозвище?

— Никакое.

— Не придумал, значит.

— Ты не поняла. Это и есть моё прозвище. Я Никакое. Да, теперь я Никакое. Ты Роза, это Боно. Весело мы едем на этой прекрасной карете. Кстати, Боно, потому что вы где-то встретили бонобо?

— Нет, — ответила Роза. — Просто папа биолог и решил так пошутить, наверное. Это я его назвала Боно, потому что Бонобо мне кажется глупым.

— Ты что, родная? — улыбнувшись, вмешался Боно. — Вместе с нами едет Никакое, теперь прозвище «Бонобо» не такое глупое.

Старик высадил нас у тропы, ведущей в лес, а сам поехал дальше по просёлочной дороге. Мне было интересно узнать, что это за лагерь для «просветлённых», и я отправился с Боно и Розой. По дороге я узнал, что Роза с недавних пор работает врачом, сейчас у неё отпуск, и она захотела провести его необычным образом, посетив этот лагерь. А Боно решил составить ей компанию.

— Что вы надеетесь там узнать, в этом лагере? — спросил я.

— Ничего, — ответила Роза. — Мы просто путешествуем. Ты ведь тоже туда направляешься?

— Я принял это решение совсем недавно.

— Вот и мы его приняли так же, как и ты. Только немного раньше.

Я не стал признаваться, что в первую очередь её красота затянула меня в этот лес, где я стал кормом для комаров. Я отгонял назойливых кровопийц и любовался тем, как плавно Роза шла. Я не мог отвести взгляда от её облегающих штанов, а вернее, бёдер (задницы, короче).

Я не осознавал, что иду по лесу будто ослик, следующий за подвешенной перед его наивным носом морковкой. Эффективные стратегии соблазнения мне были неизвестны, поэтому я полагался на случай, ждал подходящей возможности познакомиться с Розой поближе.

— Пап, только ты там не говори никому про свою новую идею, — не оборачиваясь, сказала Роза.

— Что за идея? — спросил я.

— Идея о нашей примитивности, — ответил Боно. — Вернее, о примитивности наших взглядов. Вот есть теория эволюции, и многие ошибочно полагают, что, согласно ей, люди произошли от обезьян. Но эволюция — это процесс развития всего живого на земле. Не только людей и обезьян. Люди не хотят понимать эволюцию, поскольку им просто лень разобраться в ней подробнее. Если им скажут по телевизору, что это вздор, они поверят. Потому что так проще. Лишь единицы откроют книги и начнут изучать этот вопрос.

— А в чём идея-то? Что мы тупые?

— Это даже не идея. Это просто шутка. Шутка о том, что мы всего-навсего просветлённые обезьяны, которые научились давать звёздам имена и выдумывать себе особенную судьбу, которую эти звёзды нам якобы уготовили.

— Почему просветлённые обезьяны? Почему не умные обезьяны? Или учёные обезьяны?

— Потому что умная обезьяна — это приспособленная обезьяна, которая выживает, питается и размножается. А просветлённая обезьяна ищет чего-то большего.

— Ты просто не понимаешь смысла просветления, — вмешалась Роза.

— А ты понимаешь?

— Нет. Я пока ещё не стала просветлённой. Но мне кажется, что просветление не имеет ничего общего с обезьянами.

— Это какая-то дискредитация обезьян. Получается, обезьяны не могут стать просветлёнными?

— Не знаю. Я же не обезьяна.

Лагерь был разбит среди деревьев, которые тянулись к небу плотной стеной. На поляне стояло множество палаток, между которыми бегали дети, и несколько просторных шатров, в которых собирались люди и что-то обсуждали. Возле костра сидела молодая девушка и жарила овощи на сковороде.

— Присаживайтесь, — сказала она, увидев нас.

Я положил рюкзак и сел на него.

— Тоже новенькие? — спросила она.

— Мы тут заблудились, — ответил я. — Мы лётчики-испытатели, проверяли работу нового летательного банана. Банан, к сожалению, упал.

Девушка обворожительно улыбнулась.

— Я Агами, — представилась она.

— У меня нет прозвища, — сказал я. — Оно никакое. Что значит Агами?

— Это такая птица, — вмешался Боно. — Некоторые называют её синей цаплей.

— А вы разбираетесь в птицах? — удивилась Агами.

— Не только в птицах, — ответил Боно. — Вообще я биолог.

— А я Роза. Его дочка.

— Очень приятно. Вы присаживайтесь, у меня сейчас овощи дожарятся, я вас угощу. Что-то я много приготовила. Много овощей съесть сложно, а мало овощей не сытно.

— Нужно просто что-то мясное съесть, — порекомендовал Боно.

— Я решила попробовать отказаться от мяса.

— Вы знаете, что есть забавная разница между животными и растениями.

— Какая?

— Говоря простым языком: животным нужно двигаться, чтобы раздобыть себе пищу, для этого они используют мышцы, а растениям двигаться не нужно, они питаются энергией солнечного света. Фотосинтез. Если бы у помидоров были мышцы, они бы боролись за право не попасть в эту сковородку. Растения тянутся к солнцу, мы тянемся к мясу.

— Можно и без мяса прожить. Говорят, это полезно.

— Можно, если не напрягаться слишком сильно. Если машина стоит в гараже, не нужно тратить на бензин. Трудно найти людей, отказавшихся от мяса среди шахтёров или строителей, потому что их работа требует огромного количества энергии.

— Папа, хватит читать лекции, — вмешалась Роза. — Давай палатку разбивай.

— Всё нормально, — сказала Агами. — Мне даже интересно.

Мы расположились вокруг небольшого костра. Солнце спряталось за облаками. Боно и Роза сразу же принялись устанавливать палатки. Я же с этим не спешил. Я наконец мог отдохнуть и не думать о том, куда двигаться дальше. К тому же моя дешёвая палатка выглядела скорее как смятый кусок ткани, выброшенный кем-то. Если бы мимо неё проезжал мусоровоз, её бы точно бросили в кузов к остальному мусору. И меня вместе с ней. Поэтому останавливаться у дороги было небезопасно.

Я поглядывал на Розу и подумывал о том, что было бы неплохо оказаться в одной палатке с ней. Решительности во мне было немного. Я подумал, что, даже если у меня получится пообщаться с ней поближе, делать следующий шаг в присутствии отца-биолога будет не совсем уместно.

Ночью я узнал, что у Розы есть парень. Она мило разговаривала с ним по телефону и спрашивала, как у него здоровье. Беспреданно хихикала и жевала волосы, слушая его. Я немного расстроился, поняв, что моим фантазиям по поводу неё не суждено сбыться.

— Тук-тук, — раздался шёпот снаружи палатки.

Я расстегнул молнию и выглянул. Это была Агами.

— Извини, что отвлекаю, — неловко произнесла она. — Хотела попросить у тебя кусочек хлеба. Есть хочется.

— Могу угостить копчёной сосиской.

Агами посмотрела на меня и кивнула. Я достал из рюкзака две сосиски и протянул ей. Она схватила их и скрылась в ночи, будто хищница, добывшая пищу, а может, ей просто стало стыдно.

Пустые тропы

На следующий день я собирался двинуть дальше, но Агами настояла, чтобы я остался. Она была красивой, а я падким и наивным, поэтому долго меня упрашивать не пришлось. Ещё и палатку было лень собирать. Решил остаться.

До полудня люди занимались разными делами: кто-то играл в бадминтон, кто-то на музыкальных инструментах, кто-то просто читал. Я обратил внимание, что в лагере совершенно нет людей, балующихся алкоголем.

Оказалось, что в лагере категорически не приветствовалось распитие спиртных напитков и употребление прочих дурманных средств. Людей, которые их с собой приносили, настоятельно просили уйти. Узнав об этом, я обрадовался, что нахожусь среди людей, которые живут и наслаждаются жизнью, не прибегая к деструктивным (но иногда авантюрным) методам досуга.

После полудня в одном из просторных шатров начали собираться люди. Они расположились на подушках и ковриках, образовав круг. Кто-то лежал, кто-то сидел с блокнотом и ручкой, приготовившись записывать. Среди них я увидел Розу и Боно, который махнул нам с Агами рукой. Мы подошли и сели рядом с ними.

— Это группа анонимных алкоголиков? — спросил я.

Роза посмотрела на меня так, будто я тупой.

— Наверное, — усмехнувшись, ответил Боно.

Роза отвернулась, закатив глаза.

— Они хотят послушать его, — сказала Агами, показав на мужика, сидевшего в центре и общавшегося с людьми.

Мужик был вполне обычным, лет пятидесяти, с подкачанными плечами, чёрными волосами и густыми бровями.

— А кто это? — спросил я.

— Его называют Маэстро, — ответила Агами. — Очень умный дядька.

Прозвучал громкий удар гонга. В шатре стало тихо. Люди просто сидели и ничего не делали. Кто-то закрыл глаза. Я крутил головой и осматривался. Агами сидела молча, как и все остальные. Переглянувшись с Боно, мы пожали плечами. Тишина продлилась несколько минут, пока одна женщина не начала громко смеяться. Следом за ней рассмеялись ещё несколько человек, спустя мгновение смеялись все. Я тоже смеялся, правда, не понимая над чем.

Когда смех стих, Маэстро спросил:

— У кого-нибудь есть вопросы? Или пожелания?

Одна девушка встала и начала говорить:

— Я ещё вчера хотела спросить, но как-то не решалась.

— Молодец, что решилась, — подбодрил Маэстро. — Не бойся спрашивать.

— Раньше я часто ходила в гости к дедушке и бабушке. Когда умерла бабушка, он остался один. Мы очень сдружились с ним за пару лет. А когда дедушки не стало, я пошла в сторону его дома обычным путём и поняла, что эта дорога теперь не имеет смысла. Раньше я сознательно шла к дедушке, а теперь понимаю, что его там нет...

— Тропа опустела, — сказал Маэстро. — Тропа всегда была пустой, пустой для смысла. Представь, сколько существует троп, о которых ты даже не знаешь. Тропа всегда была бессмысленной. Твой дедушка был наделён смыслом для тебя. Но это смысл, которого нет и никогда не было.

— Теперь какая-то пустота, — тоскливо сказала девушка.

— Пустота всегда будет возвращать тебя. Пустота была в тебе всегда. С самого твоего детства. Когда ты родилась, ты не знала своего дедушку, ты познакомилась с ним потом. И

на какое-то время он заполнил эту пустоту. А теперь его нет, а пустота вернулась. Пустота — это всего лишь слово, которое означает отсутствие чего-либо. Отсутствие привязанности, отсутствие зависимости, отсутствие реакции.

— Я думала об этом. Мне хотелось заполнить эту пустоту. Но что значит «заполнить пустоту»?

— Ничего. Мы всё равно в неё вернёмся, когда умрём. Можно перестать обращать внимание на эту пустоту. Можно употреблять вещества, которые вызовут у вас различные ощущения. Но заполнить её...

Маэстро задумался, глядя на собравшихся, затем продолжил:

— Представьте банку, которая летает в невесомости, в вакууме, в пустоте. Наполнить такую банку водой будет очень тяжело. Вам придётся хватать летающие пузырьки и засовывать их в банку. Вам придётся приложить усилия, чтобы заполнить пустоту в банке. Попытки заполнить пустоту — это попытки поймать пузырьки в невесомости.

Собравшиеся усмехнулись.

— Но когда вы спуститесь на Землю, вы поймёте, что здесь банка не может быть пустой. Сначала её наполнит воздух. Если вы этого не заметите и попытаете налить в неё воды, вы увидите, что вода не разлетается пузырьками, а находится в банке. Но банка заполнена благодаря силам, которые действуют на нашей планете.

Маэстро молча посмотрел на всех. Боно слушал его с искренним интересом.

— Всё относительно, — сказал Маэстро. — Для тебя тропинка к твоему дедушке имела смысл. Но ты не оплакиваешь каждого дедушку, который умирает. Ты не ходишь ко всем бабушкам и дедушкам, это пустые тропы. Просто у тебя есть сила привязанности к твоему дедушке. Но она относительна и есть только у тебя. Поверь, никто из нас не скучает по твоему дедушке, как ты.

Девушка улыбнулась.

— Отпустить — значит прекратить прикладывать усилие, — продолжил Маэстро.

— Это всё звучит как-то... научно, что ли, — в изумлении прошептал Боно.

— А должно звучать так, будто я шарлатан? — спросил Маэстро, а остальные засмеялись. — Вы сами сюда пришли. Мы просто собрались, чтобы говорить, чтобы жить. Это место, откуда каждый может уйти и куда каждый может прийти. Наши родственники нам не принадлежат, мы не можем решать, когда им умирать. Мы переживаем не потому, что их нет, мы переживаем потому, что у нас нет возможности с ними увидеться.

— Иногда мне его не хватает, — продолжала девушка.

— Тебе не хватает. А ты представь, что твой дедушка там, где ему хорошо. А ты ходишь и думаешь: «Дедушка должен быть со мной, а не там, где он сейчас».

— Но он мёртв, как ему может быть хорошо?

— Но ему и не плохо. Ты пытаешься объяснить это определённым образом. В университете я дружил с одним учёным, однажды он сказал мне: «Просто представь, что я — это ты, воплотившееся в другой человеческой форме. Тогда все люди — просто один человек, имеющий множество воплощений». Правда, при этом он добавил: «Возможно, человечество — это огромный мозг, страдающий психозом, шизофренией. Наша планета должна сидеть в смиренной рубашке и ощущать безумие, которое мы порой творим».

Кто-то усмехнулся, кто-то понимающе кивал, а кто-то пристально смотрел на Маэстро, пытаясь его понять.

— Со мной примерно такой же парень учился, — сказал Боно.

— Что он говорил? — спросил Маэстро.

Остальные посмотрели на Боно, ожидая ответа.

— Всё началось с так называемой квантовой теории мужских сосков, — начал Боно. — Тогда слово «квантовый» было довольно популярным, а сама теория родилась в споре с про-

фессором. Наш профессор называл мужские соски абсолютно бесполезными. Но этот парень утверждал, что мужские соски служат доказательством того, что мы являемся частью эволюционного процесса, представляющего собой биологическую кашу, в которой мы пытаемся отыскать смысл. Твердил, что мы все крохотные частицы огромной биологической машины, которую пытаемся постичь. А мужские соски тому доказательство.

Люди внимательно слушали Боно, кто-то даже записывал. Роза прикрыла лицо руками, похоже, она слышала это тысячу раз, и ей было немного неловко оттого, что теперь Боно выступает публично с «квантовой теорией мужских сосков».

— А я ему всегда отвечал, что мы просветлённые обезьяны, — продолжил Боно. — Мы обезьяны, которые отложили в сторонку бананы, надели брюки и отправились на поиски смысла.

Маэстро рассмеялся.

— Приветствую вас, просветлённые обезьяны, — обратился он к остальным.

В ответ шатёр наполнился смехом. Кто-то начал изображать обезьяний вопль. Роза тоже смеялась, похоже, что ей больше не было стыдно. Боно улыбался.

Когда люди успокоились, он сказал:

— По поводу мужских сосков хотелось добавить. Современные исследования показывают, что при употреблении женских гормонов мужские молочные железы тоже могут выделять молоко.

— Вот это уже полезно, — сказал Маэстро. — Сможем сами себя кормить. Молоко покупать не придётся. Если и есть в этой вселенной что-то абсолютное, то это пример про соски.

Беседа оказалась довольно забавной. Теперь я знал не только о теории просветлённых обезьян, придуманной человеком, назвавшимся Бонобо, но ещё и о квантовой теории мужских сосков. Правда, я не был готов поделиться этими знаниями с первым встречным, а вот шатёр, в котором мы тогда собрались, был местом, где можно было обсудить что угодно.

— Почему мы не называем своих имён? — спросил кто-то, когда возникла небольшая пауза в разговоре.

— Назови, если хочешь, — ответил Маэстро. — Здесь собрались люди, выбравшие себе прозвища. Это такая игра. Она нужна, чтобы понять, что вы пришли в этот мир без имени. Всё, что вас окружает, не имеет имени. У камня нет имени, у дерева нет имени, у птиц нет имени, это мы их так называем. Ваше имя вы получили от родителей. Когда мы умрём, наше имя останется лишь на надгробье. Но здесь мы свободны от имён. Мы здесь, чтобы жить, просто находиться. Как дерево, камень или птица.

Маэстро пристально посмотрел на окружающих и, улыбнувшись, добавил:

— Не думайте об имени. Подумайте о красоте. О том, что сегодня великий день.

На этом Маэстро закончил. Он встал, поклонился и ушёл. Некоторые остались отдыхать в шатре. Мы тоже лежали на подушках и разговаривали.

Вечером мы собрались у костра. Я жарил сосиски, нанизанные на ветки. Четыре штуки. Две себе и две Агами. Она достала бутылку безалкогольного вина и предложила нам выпить. Я понюхал его, и мне показалось, что оно пахнет какими-то таблетками. Я отказался.

— Безалкогольное вино? — удивился Боно. — Какой в этом смысл? Вино — это прокисший виноградный сок. А это, получается, прокисший виноградный сок, из которого убрали алкоголь.

— Ты просто не понимаешь, — возразила Роза и протянула пустую кружку Агами.

У костра с нами сидел худощавый мужик по прозвищу Хмурый. Он тоже потянулся за безалкогольным вином. Понюхав налитую жидкость, он смущённо сказал:

— Вино без алкоголя — это как женщина, которую невозможно полюбить.

— Потому что она тоже пахнет таблетками? — спросил я.

— Нет. Потому что влюбиться в женщину — значит быть опьянённым ею.

— За это стоит выпить, — сказала Агами и подняла свою кружку.

Врачебная тайна

Ещё одну ночь я провёл в лагере. Тогда, можно сказать, я не просто возомнил себя путешественником, я оказался среди таких же скитальцев. Я не был особенным. Маэстро говорил, что никто не является особенным и в этом особенность каждого. У меня была палатка, как у остальных, примерно такой же спальник, ничего необычного. А вот сосиски закончились.

Люди в лагере были добрыми и довольно общительными. Утром мы с Агами пошли попрошайничать. Это была её идея. Она предложила, а я не смог ей отказать, слишком уж красивой она была. Мы подходили к людям и просили поделиться чем-нибудь. Нам удалось разжиться вяленой рыбой, консервами и даже бутылкой лимонада. Правда, с некоторыми людьми пришлось обмениваться.

— Просить полезно, — говорила Агами. — Есть даже такая практика.

— Ещё бы, — сказал я. — Мы еды на два дня раздобыли.

— Я не об этом. Я где-то слышала, что человек растёт, когда просит и благодарит.

— Значит, сегодня мы выросли.

Нашу беседу о росте прервала девочка, которая с встревоженным видом схватила Агами за руку.

— Пойдёмте! — кричала она. — Там дяденьке плохо!

Мы побежали за девочкой. Она привела нас на поляну, где на траве лежал мужик. Один уголок его губ был опущен, он будто не мог совладать с мимикой. Вокруг него уже собрались несколько человек. Роза сидела рядом и осматривала его.

— Инсульт, — заключила она. — Ему срочно нужно в больницу. Вызывайте скорую.

— Здесь телефоны не ловят, — ответила одна женщина. — А если и получится позвонить, здесь даже адреса нет. Куда им ехать?

— Я сделаю носилки! — заявил Хмурый.

— Может, в гамак его засунем и понесём? — предложил один паренёк.

— Нет, нужно сделать жёсткие, — возразил Хмурый и поспешил взяться за дело.

Изготовление носилок заняло у него минут двадцать. За это время мы успели собрать палатки и остальные вещи. Я решил, что пойду с Розой и Боно, как раз помогу нести мужика.

Хмурый принёс носилки, сделанные из нескольких крепких палок, связанных верёвкой. На носилках лежал коврик для йоги, а на нём спальный мешок. Мы осторожно положили мужика и двинулись в путь. Хмурый взялся за носилки спереди и пошёл первым. Мы с Боно держали носилки сзади. Агами и Роза шли следом за нами. Роза иногда подходила и осматривала мужика. Мы не знали ни его имени, ни прозвища, он не мог ничего сказать, только мычал.

— Хорошие носилки, — заметил Боно, — крепкие. Где такие делать научился?

— Я раньше был преподавателем основ безопасности жизнедеятельности, сейчас это вроде называется инструктор по выживанию. Учил детей, как правильно разводить костры, и как носилки делать тоже учил.

— На пенсию ушёл?

— Я в деревне работал. Там сейчас никто не живёт, все в город переехали. А школу давно закрыли.

— Хорошим ты, похоже, был учителем.

— Не мне об этом судить. Да и давно это было. Нужно ли вообще кому-то преподавать основы безопасности? Не все мои ребята дожили до тридцати. Их не медведи съели. Кто-то спился и умер, кто-то в тюрьме сидит. Эх... Страшно это. Страшно. Смотреть, как хоронят парня, которого ты по стадиону гонял ребёнком. Не должны взрослые хоронить детей. Не должны.

Мы шли по тропе, которая была почти незаметна. Хмурый знал эти места, знал, куда нужно идти.

— Частенько я тут хожу, — говорил он. — За продуктами и прочими нужными штуками.

— А ты чем вообще в этом лагере занимаешься? — спросил Боно.

— Живу просто. Помогаю некоторым ребятам освоиться. Приходят туда, знаешь ли, всякие «искатели истины». Хотят что-то новое узнать, великое, а шнурки завязывать не умеют. Вот я и показываю, как палатку разбить, гамак повесить. Ладно, давайте немного передохнём.

Мы остановились. Агами достала из рюкзака вяленую рыбу, которую мы вместе с ней выпросили. Сначала она протянула мне самый большой кусок, а затем угостила остальных. Роза осмотрела мужика.

Мы уже были готовы двигаться дальше, но Хмурый увидел, что кто-то к нам приближается. Это был Маэстро. Он без лишних разговоров взял носилки спереди, чтобы помочь Хмурому, и мы все вместе продолжили путь.

Поначалу мужик казался лёгким, мы довольно весело несли его в тени деревьев, но спустя пару часов мне начало казаться, что он весит несколько тонн. Руки устали, начала болеть спина. Мы стали чаще останавливаться, чтобы передохнуть. Хмурый и Маэстро, похоже, останавливались только ради нас с Боно, будто чувствуя, что мы сильнее устаём.

В очередной раз Маэстро остановился и начал опускать носилки. Роза мгновенно подбежала и начала осматривать мужика. Тот мычал что-то, а она его успокаивала.

— Не переживайте, — говорила она. — Скоро доберёмся. Мы ведь скоро доберёмся?

— Ага, — ответил Маэстро, присев на травку. — Ты особо не напрягайся. С ним всё будет в порядке.

— Вам-то откуда знать? Вы что, врач? Я вот врач, я знаю, как выглядит инсульт.

— Тогда тебе виднее, — улыбнувшись, ответил Маэстро.

— Тебя, видимо, не беспокоит эта ситуация, — заметил Боно.

— Почему она должна меня беспокоить? Мы несём этого несчастного. Мы делаем что можем. Никто из нас не хочет рисковать собой ради него. Мы не хотим надрываться. Поэтому мы останавливается, чтобы передохнуть. Наше чрезмерное беспокойство не поможет ему, а уж тем более нам.

— Нужно как можно скорее доставить его в больницу, — настаивала Роза.

— А может, ему не нужна больница? — возразил Маэстро.

— Что значит «не нужна»?! Вы видите, в каком он состоянии!

— В каком?

— В предынсультном!

— Так у него инсульт или пока предынсультное состояние? Может, он просто ягод каких-нибудь объелся?

— Вы в своём уме?! Я же врач, я могу отличить инсульт от отравления. Вы в своём лагере, похоже, совсем связь с реальностью потеряли!

Буквально вчера Роза с нетерпением ждала, когда окажется в лагере, но теперь она почти с ненавистью смотрела на одного из обитателей этого самого лагеря. Злоба Розы забавляла Маэстро, он оглядывался назад и, видя её свирепый взгляд, лишь улыбался. Боно не вмешивался, он, как и я, устал от транспортировки мычащего мужика.

Мы вышли на грунтовую дорогу. Уже вечерело. Связи по-прежнему не было. Мы решили подождать, когда появится какая-нибудь машина, и сели на траву. Роза возилась с мужиком.

Вдруг он истошно прохрипел:

— Водички...

Маэстро усмехнулся. Роза приподняла его голову и дала ему глотнуть.

— Как вы себя чувствуете?

Мужик больше не корчился и не мычал. Его лицо стало вполне нормальным. Он ещё позакатывал глаза, а затем начал нас осматривать.

— Где я? — спросил мужик.

— Всё в порядке, — ответила Роза. — Скоро мы доставим вас в больницу.

— Зачем в больницу? Не надо в больницу.

Мужик поднял голову и огляделся.

— Я сейчас полежу немного и домой пойду.

— Вам нельзя домой, — настаивала Роза. — Вам нужно в больницу.

Вдруг мужик, который несколько минут назад стонал и мычал, вскочил с самодельных носилок и бросился убежать прямо по полю. Роза сделала пару шагов за ним, но затем остановилась, в недоумении посмотрела ему вслед, а затем обернулась к нам и с таким же недоумением уставилась на нас.

— Не стойте, доктор, ваш пациент убегает, — сказал Маэстро и рассмеялся.

— Что это было?!

— Не знаю. Вы скажите, доктор. Или это врачебная тайна? Разве люди с инсультом так бегают?

Мы оказались в странной ситуации. Мы вроде пытались помочь человеку, но, как оказалось, помощь ему не требовалась. Этот пожилой мужик умчался от нас по полю как молодой гепард. Наверное, даже гепарды позавидовали бы его скорости. Буквально через несколько секунд он скрылся в лесной гуще.

— Так что это с ним? — настойчиво спросила Роза.

— У этого человека прозвище Дурман, — ответил Маэстро. — Он обитает возле нашего лагеря, потому что там растут некоторые растения, из которых он варит свои зелья, от которых, собственно, и впадает в такие состояния.

— Как банально. Почему вы раньше не сказали?

— Я пытался намекнуть. С врачом непросто спорить.

— Я не виновата. Симптомы были как при инсульте.

— И что теперь? — спросил Боно.

— Нам в город нужно сходить, — сказал Хмурый.

— Тогда пойдём.

И мы пошли. Теперь идти было гораздо легче, хотя после такого «похода» мы сильно устали. Через пару часов мы шли вдоль автострады. Мимо проносились машины, я вновь почувствовал, что могу отправиться куда угодно, но отправился я в ближайший мотель. Я бы мог разбить палатку где угодно и отдохнуть под открытым небом, но мне хотелось помыться и отдохнуть с комфортом.

К моему удивлению, Агами меня поддержала. Мы распрощались с остальными и отправились в мотель. На стойке регистрации Агами настояла на том, чтобы мы поселились в одном номере. Я был взволнован предстоящей ночью, но внутри хитро улыбался, поскольку поселился в одном номере с красивой девушкой. С девушкой, которую я спас от голода, угостив сосиской. Я хотел на неё страстно наброситься, но не умел и не был уверен, что она не побьёт меня за это.

Я чувствовал себя пингвином, пытавшимся соблазнить мудрую тигрицу. Пингвином, который не то что рычать не умеет, а даже ходит забавно и неуклюже. Рядом с женщинами я не чувствовал себя альфа-самцом, я даже не был просветлённой обезьяной, способной очаровать кого-либо интеллектом.

Наш номер оказался довольно уютным, с дивном и кроватью. Главное, что бельё и полотенца были чистыми. Я останавливался в разных отелях. В одном дешёвом отеле я спал на простынях, которые, скорее всего, даже не постирали после предыдущего постояльца, ещё там

громко гудел холодильник, а за окном с грохотом проезжали поезда. Я хотел отдохнуть, но только пожалел об этой ночёвке.

Останавливаться в хостелах хуже всего. Однажды я остановился в таком заведении. Хостел был дешёвым, хотя и находился в самом центре. Я поселился в четырёхместном номере, выглядел он прилично, мне выдали полотенце и чистое бельё. Вечером я лёг спать один и закрыл шторку у кровати. Но ночью проснулся от целого оркестра алкоголиков. Три мужика, проживавших со мной в номере, храпели так громко, что казалось, я ночую в пещере злобных тварей, которые меня окружили и начали свирепо рычать...

Я прилёг на диван, и на меня нахлынуло чувство покоя. Мысли об Агами на время отступили. Я так устал нести Дурмана, что будто растаял на мягких подушках. Агами легла на кровать. Я, конечно, подумал о том, чтобы лечь к ней, но усталость победила. Я заснул.

Проснулся от странного звука. Мне показалось, будто в номер отеля пробрался страшный рычащий зверь. Оказалось, это была Агами. Она храпела как старый трактор. Я встал с дивана и толкнул её, она затихла, но через несколько минут вновь продолжила рычать-храпеть. Пришлось лечь рядом с этим милым трактором, чтобы периодически глушить рёв двигателя.

Она храпела как мать всех свирепых и рычащих зверей. Храп — это уничтожитель сна, а женский храп, особенно если он свирепый и жестокий, — это ещё и уничтожитель романтики. Я пожалел, что остался с Агами, рядом с ней так и не получилось нормально выспаться. Она, в отличие от меня, утром чувствовала себя бодро и даже поцеловала меня. Поцеловала ртом, который всю ночь воспроизводил звуки, похожие на крик нескольких тысяч людей, которых она накануне проглотила.

Неожиданно ей кто-то позвонил, после чего она быстренько собрала вещи, оставила записку с номером телефона и убежала. Я остался в номере один. Было уже девять часов утра. После ухода Агами я снова вырубился, но вскоре другая женщина разбудила меня. Это была уборщица. Она сказала мне, чтобы я съезжал либо оплатил ещё одну ночь.

Асфальтное путешествие

Я выпил бутылку воды и отправился не в поля или безлюдные леса, я побрёл вдоль дороги. Здесь ездили машины, на которых можно было добраться хоть куда. В лесу же я мог заблудиться и стать посмешищем для белок и других его обитателей.

Мимо меня с нарастающим гулом проносились грузовики. Я шёл вдоль дороги несколько часов. У меня не было никакой цели. Асфальт тянулся далеко за горизонт, а я двигался по этому пути. Вдоль дороги был установлен дорожный отбойник, задумывавшийся как защитная преграда, но я думал о том, что он вряд ли защитит меня от многотонной махины, несущейся с огромной скоростью. Это опасение вынуждало оборачиваться, когда позади раздавался гул очередного приближавшегося грузовика.

Идти по дорогам можно бесконечно. Если кому-то удастся пройти все дороги на свете, к тому времени построят новые. Сил было мало после бессонной ночи рядом с «трактором», поэтому я решил поймать машину, добраться до города и найти там жильё на сутки.

Миновав отбойник, я протянул руку. Меня подобрал довольно приятный дальнбойщик на крутом грузовике, новом, современном, с удобным спальником за спиной водителя. Увидев мою утомлённую морду, он кивнул головой и спросил:

— Ну что, бродяга, устал? Тебе вообще куда?

— Мне бы туда, где можно поспать.

— Залезай давай, — сказал он, махнув рукой. — Прыгай назад и поспи. Подброшу тебя до города.

Валяться в постели — одно из величайших удовольствий на свете, особенно когда постель, в которой ты лежишь, движется с огромной скоростью, слегка укачивая тебя. Отдых оказался долгим, но, к сожалению, незаметным. Я просто проспал всю ночь и проснулся лишь утром, когда мы подъезжали к городу. Пока я наслаждался сном, мы миновали километров пятьсот. Как обычно, подняться было необычайно сложно, даже «шконка» в кабине грузовика не отпускала меня из своих объятий.

— Я поехал по объездной, — объяснил водила, стоило мне высунуть голову из-за шторки, — там пробка была, ну вот я и рванул.

— Пробка на трассе? — удивился я.

— А что, это обычное дело. Помню, как-то простоял шесть часов из-за аварии. Два автобуса пассажирских лоб в лоб врезались. Вся дорога была красная от крови. Ужас просто.

В общем, так я оказался в каком-то странном населённом пункте. Не знаю, город это был или посёлок, но выглядело это место так, будто время в нём остановилось и цивилизация обошла его стороной. Двухэтажные здания, наверное, века девятнадцатого, будто ещё вчера подвергались массивным артобстрелам. Тротуары выглядели примерно так же, только вот из асфальта ещё и трава росла. Среди всего этого «винтажного» великолепия жили люди. Двое слегка нетрезвых жителей встретили меня возле памятника пушке. Один из них выглядел так, словно в запое провёл последнюю тысячу лет. Увидев меня, он вдруг вскрикнул:

— О, здорово, путешественник!

Местная архитектура отбила у меня желание снять жильё в этом городке. Здания выглядели настолько мрачными, что ночёвка на улице казалась гораздо безопаснее, даже на останке среди шприцев и пустых бутылок.

В ответ этим двум любезным горожанам я рассказал правду, что к ним я попал случайно, заснув у дальнбойщика в кабине. После моих слов они оживились, их глаза загорелись, а один из них допил пиво и заявил:

— Сейчас я Горбатову позвоню, он тебя, куда хошь, отвезёт и даже денег не возьмёт.

Мужик достал из спортивок старенький телефон, и, прищурившись, начал искать номер.

— Горбатый! — закричал он в трубку, заткнув одно ухо указательным пальцем. — Твоё ведро ещё на ходу? Да у нас тут человек один заблудился, его бы подвезти... Ты же знаешь, из нашего захолустья не уедешь, никто его здесь не подберёт. Ну дыра, одним словом... Не знаю я, путешественник какой-то... Ну давай, подваливай.

Спустя мгновение я уже сидел на корточках в компании двух моих новых знакомых, оказавшихся настолько отзывчивыми, что бросились мне помогать, даже имени моего не узнав. Хотя я вовсе не просил их о помощи. Один из них всё протягивал мне бутылку с какой-то бормотухой, а я всё отказывался, а тот всё отпивал и отпивал. А на тот момент ещё девяти утра не было.

— У нас тут с работой вообще глухо, — говорил один. — Как фермы рухнули, все в большие города уехали, тут только и остаётся, что пить.

— Живём бедно, но на жизнь не жалуемся, — подхватил второй. — На всех ведь хорошей жизни не хватит. У нас вот такая доля. Ты не бойся, тебя тут никто не тронет. Выглядит наше захолустье так себе, но люди у нас хорошие, все друг друга знают и, когда надо, помогают. Это вот среди небоскрёбов, там, в этих мегаполисах, всякого достаточно. Обдерут до нитки, даже трусов не оставят. А у нас люди простые.

Я только высадился в этом городке, и первое, что предложили мне местные жители, — это покинуть его скорей. Они даже помогли мне в этом. Позже выяснилось, что машина у Горбатого сломалась, и он приехал на мотоцикле с люлькой. Я вроде уехал из лагеря просветлённых и думал, что теперь при знакомстве с людьми буду узнавать их имена. Но нет. Я встретил Горбатого на мотоцикле с люлькой.

Он соответствовал своему прозвищу: за рулём он сидел выставив голову вперёд, на его горб можно было смело посадить ещё кого-нибудь. Перед отъездом он жадно испил напиток, ранее предложенный мне, побряхтел, протянул мне каску, сказав при этом: «Главное — безопасность», и мы рванули.

Я сидел в люльке, крепко обняв рюкзак. Мотоцикл мчал по побитым временем улицам, мимо потрёпанных зданий. Мы сделали остановку возле маленького магазинчика, откуда Горбатый вышел с бутылкой «Три семёрки». Он доверил её мне и на протяжении всей поездки я протягивал ему бутылку в открытом виде, а он прикладывался к ней, не отрывая взгляда от дороги.

Мы приехали на железнодорожную станцию, где Горбатый пытался договориться со своим знакомым машинистом, чтобы тот посадил меня на поезд. Но смена у машиниста закончилась, и он уже собирался отправиться в «удивительный мир» пьянства.

Мы стояли за гаражами. Машинист и Горбатый курили и по очереди распивали «Три семёрки».

— Наконец-то отпуск, — сказал машинист, — эх, забухаю.

Выпить он был не дурак (с его слов), но на работе ни разу себе этого не позволял. Как только у него выпадали выходные, он тут же проваливался в алкогольную бездну, из которой, кстати, вовремя мог мастерски выбраться. Всё это он рассказал мне за те несколько минут, что мы провели за гаражами. Докурив, он поправил фуражку и сказал:

— Пойдём, посадим тебя на поезд.

Знакомый Горбатого смог договориться с другим машинистом, который буксировал несколько пустых вагонов. В одном из них поселился я. Пассажирские купе были опечатаны, поэтому я разместился в купе проводника. Электричества не было, и я питался холодными консервами и сухой вермишелью быстрого приготовления.

Меня пришёл навестить помощник машиниста и, увидев, что я засыпаю куриную приправу в «бомж-пакет», спустя пару минут принёс кипяток и две тарелки, в которых я заварил лапшу.

— Вся жизнь мелькает за окном, — рассуждал он, сидя рядом со мной. — Я вот уже пять лет работаю и столько всего повидал, но вот ощутить так и не смог. Всё слишком быстро. Люди, города — всё это остаётся позади, стоит мне приблизиться. Не могу как следует разглядеть.

— Я буквально час назад в этом городе оказался. А теперь вот в поезде еду. Даже не знаю куда. Я и представить себе такого не мог.

— А куда вообще направляешься?

— Понятия не имею. Просто путешествую.

— А у нас всё по расписанию. Я знаю, где окажусь через неделю.

Целый день я ехал в вагоне, в полном одиночестве скитаясь по его коридору. Меня это даже забавляло. Среди несущейся стальной мощи я находился в тишине и спокойствии. Ни детского плача, ни пьяного смеха, которые обычно приходится слушать в поездах.

Наступил вечер, мы приближались к станции. Я решил спрыгнуть прямо на ходу, чтобы не привлекать внимания. Поезд хоть и ехал уже медленно, спрыгивать с такой высоты было страшно. Всё-таки я решился, прыгнул и кубарем покатился по насыпи. Всё прошло успешно. Я отряхнулся и пошёл дальше.

Дойдя до кустов, я встретил двух пареньков, сидевших возле костра. Один из них варил макароны. Рядом с ними лежали большие рюкзаки, но палатки разбиты не были. Я догадался, в чём дело, но всё-таки спросил:

— Что, парни, товарняк ждёте?

— Ага, — ответил тот, что варил макароны, — ты тоже, что ли?

— Или тебя путейцы заслали, чтобы ты нас поймал? — вмешался другой.

— Да, сейчас я вас буду арестовывать.

Ребята несколько часов ждали товарняк, чтобы отправиться на север. Но им то путейцы мешали, то состав двигался не в ту сторону.

Товарняк для меня — это вызов, который я ещё не осмелился принять. Я мог отправиться с теми парнями, и мне этого хотелось, но почему-то испугался. Не знаю чего: упасть с поезда, быть пойманным или ограбленным... В общем, я решил, что пока делать этого не стану.

Один из парней рассказал мне, как убегал от путейцев:

— Поезд остановился, а когда мы выглянули из вагона, нас спалили, тогда мы и решили бежать. Перебрались через вагоны и рванули. Самое неприятное, что я не знал, куда убегать. Ну это частая проблема. Выбежал за забор и побежал в какой-то двор, там и друга своего встретил. В общем, прижали нас в каком-то переулке. Стоят они в своих оранжевых жилетах и думают, что с нами делать. Я им говорю: «Отпустите вы нас, мы же ничего не украли. Просто путешествуем на товарняке». А они такие: «Вы же поезда задерживаете. Они ходят по расписанию. А из-за таких, как вы, их приходится останавливать. Что мы, по-вашему, должны в акте написать?» А я им в ответ: «Да напишите вы, что мы убежали, и всё. Делов-то». В итоге они нас отвели на станцию к своему знакомому, который нас чаем напоил и даже подсказал, на какой поезд запрыгнуть. А в акте написали, что мы сбежали.

Я выпил с ними чая и отправился дальше.

Странные дела

Горбатый помог мне выбраться из одного непонятного населённого пункта, а выйдя из поезда, я оказался в другом непонятном населённом пункте. Я шёл по пустой ночной улице. Ни один человек не попался мне навстречу, лишь жужжащие фонари странно мерцали. Безлюдный город меня смутил, я подумал, что жители спрятались от неведомой опасности, просыпающейся по ночам. Среди узких улочек не было слышно даже собачьего лая. В некоторых двухэтажных домах горел свет, но и в окнах не было видно людей.

Поток холодного ветра ворвался в город, и кроны деревьев зашелестели. В темноте они показались мне какими-то монстрами, я даже вздрогнул. Где-то вдали послышался гудок локомотива, мне стоило бежать в обратную сторону, ведь это мог быть сигнал к призыву неведомых чудищ, но я пошёл дальше.

В тёмном переулке мне встретилась стая гусей. Увидев меня, они остановились, расправили крылья и издали угрожающее: «Га-га-га». В темноте я смог разглядеть, что на одном из гусей была надета маленькая военная фуражка, как у офицера. В отличие от остальных он вскидывал вверх только правое крыло, а на левом виднелась какая-то повязка. Тогда я понял, что гуси захватили город, а людей взяли в плен. «Закончилась эра потребителей и уничтожителей природы, гуси взяли под контроль первый город», — подумал я и приготовился удирать (с гусями лучше не связываться, они ребята серьёзные, они умеют летать, в отличие от белок).

Гуси двинулись мне навстречу, ровно маршируя. Казалось, если я не убегу прямо сейчас, гусяного плена не избежать. Когда они вышли под свет мерцающего фонаря, я понял, что у гуся-офицера фуражкой казалась странная форма клюва, а левое крыло его было замотано бинтами. Видимо, бедолага повредил его. Они прошли мимо, но один из них пристально проводил меня взглядом, будто пытаясь о чём-то предупредить.

Я пошёл вдоль железной дороги. Неподальёку виднелась станция, я думал дойти до неё и спросить у местных про ночлег, поскольку в городе я так никого и не встретил. По пути набрёл на какую-то постройку, выглядела она довольно безобидно, и я решил в ней переночевать.

Я включил фонарик на телефоне и начал осматривать пустынные коридоры. Всюду был разбросан всякий мусор, а запах был отвратительный. В такой обстановке не хотелось ставить палатку, и я направился к выходу.

На обратном пути я испытал неподдельный ужас: в одной из комнат вдруг раздался устрашающий хрип, который сменился стоном. Ну всё, я сам себя заманил в ловушку к монстрам, подумал я. Хотя минуту назад на них и намёка не было. Мрачные звуки, доносившиеся из комнаты, будто предвещали грядущий конец. Выход был в пяти метрах от меня, мне оставалось лишь пройти мимо этой комнаты и оказаться снаружи. Я шагнул навстречу свободе. Снова раздались громкие стоны, ноги мои затряслись, а сердце билось так, что едва не сломало рёбра. Я думал, нечто невероятно ужасное посмотрит на меня, если я загляну в комнату, но когда я навёл фонарик в сторону таинственного помещения, то увидел бородатого мужика, который сидел на старом письменном столе и прямо с него гадил на пол.

— У тебя бумага есть? — прохрипел он. — А то у меня от газеты раздражение.

Страх меня отпустил, и я рассмеялся.

— Ты чего ржёшь-то? — возмутился старик. — Не видишь, человек страдает? Вот тебе и пирожки с капустой. Мать их.

Я отдал ему упаковку влажных салфеток и уже обирался покинуть мрачное здание, как он меня окликнул:

— Паренёк, может, ты ещё и спичками богат? А то у меня закончились, а найти их сейчас нигде.

Пришлось подогнать ему ещё и коробку охотничьих спичек, а он в ответ пригласил меня посидеть возле костра (ну сперва он, разумеется, надел потрёпанные портки). Огонь он развёл прямо в одной из комнат, не в той, где справлял нужду, а в той, которую называл «каминной». Я достал из сумки последний сухпайк и поделился с мужиком рисом с говяжьим гуляшом, взамен он предложил мне окурочек из большого целлофанового пакета. Я отказался, а он закурил.

— На товарняках катаешься? — спросил он меня.

— Не, я просто искал место для ночлега.

— Я тут многих ребят видел, кто на товарняках гоняет. Тут один слетел под колёса, его потом лопатами соскребали. Останки в чёрный пакет забросили и увезли.

— Жесть.

— Ещё какая. Другого электричеством пожарило. Он за провод схватился и задымился. Колбасило его серьёзно. Каких только дураков на свете не бывает. Вот я тоже один из них, живой пока, правда. Но такой же дурак. Вот ты думаешь, я обычный алкаш, спился и живу теперь на улице. А нет. У меня ведь и жена была, и дочка. Жена к другому ушла, вместе они всё у меня отняли — и квартиру, и дачу. Вот я и остался жить на улице. Мне дочку жалко, мой маленький цветочек. Эх, она, наверное, уже взрослая, позабыла, наверное, меня.

— А как её зовут?

— А тебе зачем? — насторожился мужик.

— Ну можно поискать в интернете.

— Правда? — Мужик оживился и продиктовал мне данные, которые помнил.

Место хоть и выглядело глушью, сигнал там был нормальный. Я залез в соцсети и начал искать. Вариантов было немало, под критерии запроса подходили многие. На каждый профиль мужик смотрел с надеждой, но никого не узнавал. Я уже начал думать, что он позабыл, как выглядит родная дочь. Пока наконец глаза его не засияли. Я никогда прежде не видел такой ребячьей радости. Он аккуратно взял телефон из моих рук и, глядя на знакомое лицо, начал приговаривать:

— Вот она, моё солнышко. Какая же она взрослая стала, а ведь когда-то была такой крохой.

— Можем написать ей.

— А что мы ей напишем?

— Не знаю, что угодно. Можем спросить, как дела, например.

— Подожди, нужно привести себя в порядок.

Прямо посреди ночи он состриг бороду и искусно побрился старым станком, не оставив ни единой царапины. Длинные волосы аккуратно собрал в хвост, а одежду сменил на менее грязную. Затем он сел напротив меня и сказал:

— Давай, пиши!

— Я ничего не обещаю, поскольку сейчас ночь...

— Пиши, пожалуйста, — настаивал он, — я и так много времени потерял.

И я написал: «Привет. Прошу прощения за позднее сообщение, но дело довольно срочное».

Ответ пришёл спустя пару минут.

«Если ты пытаешься мне что-то продать, то плохая идея делать это в столь позднее время».

Увидев её ответ, мужик сказал:

— Моя девочка, умница.

Я продолжил писать: «Дело в том, что я встретил твоего отца, он назвал мне твои данные, и мне удалось тебя найти. Ему очень интересно узнать, как у тебя дела».

Она не отвечала минут десять, но продолжала оставаться в сети. Затем пришло следующее: «Это очень плохая шутка, придурок!!! Когда я узнаю, кто ты такой, я убью тебя!!!»

«Это не шутка, он и вправду сидит рядом со мной».

«Ты издеваешься?! Мой отец умер, когда я была маленькой!! Ты придурок!»

Мужик схватился за голову от увиденного сообщения. А я вдруг подумал, что сижу у одного костра с ходячим мертвецом.

— Похоронили заживо, — говорил он, — вот тебе и жена, отняла всё, так ещё и убила меня. Ужас какой.

— Давай мы ей твою фотографию отправим, — предложил я, — выглядишь ты сейчас презентабельно.

— А давай! — не колеблясь, согласился он, и мы так и поступили.

«Этот человек утверждает, что он твой отец», — написал я.

— Поймай, поймай! — воскликнул мужик и начал рыскать среди хлама.

Он достал откуда-то портмоне, завёрнутое в тряпку, и вынул из него фотографию, на которой были изображены он, его дочка и жена. Я сделал снимок с фотографии и отправил ей.

После недолгой паузы она ответила: «Я не могу в это поверить. Этого не может быть. Где он был все эти годы? Кто ты вообще такой?»

«Если хочешь узнать ответы, можешь спросить у него» (в сообщении я написал номер своего телефона).

Спустя мгновение раздался звонок. Я протянул телефон мужику:

— Кажется это она. Отвечать будем?

Он уверенно кивнул:

— Будем!

Я сдвинул зелёный кружок на сенсорном экране и передал волшебное устройство ему в руки.

— Алло... Доченька! — По его щекам потекли слёзы. — Алло. Это я, твой папа. Не плачь, моё солнышко.

Среди грязи и мусора, во мраке бетонных стен и загаженных комнат вершилось чудо. Человек, оказавшийся в непростой жизненной ситуации, познавший горечь и печаль, обрёл надежду. Я видел, как сияли его глаза и как губы растягивались в улыбку, когда он слышал родной голос. Электронное устройство, разработанное великими умами и собранное на фабрике умелыми людьми, на одно мгновение связало разбитые судьбы. Сквозь тысячи километров доносились слова двух людей, когда-то потерявших друг друга.

Они разговаривали минут тридцать, и после звонка он выглядел очень счастливым.

— Сказала, что приедет за мной, — прошептал он, видно, еле удерживаясь от слёз. — Спасибо тебе, добрый человек.

— Меня благодарить не за что. Благодарить нужно тех, кто придумал интернет и смартфоны. Тебе помогли тысячи людей, приложивших усилия для производства таких штукосин.

Заснуть мне так и не удалось, да и не хотелось, почти всю ночь я слушал разнообразные поучения человека с улицы.

— На улице нет жизни, — твердил он, — здесь сплошное выживание. Я думаю только о том, что мне нужно искать еду. И так постоянно. Вся жизнь сводится к поискам еды и воды. Тяжелее всего приходится зимой, когда ещё и тёплое место нужно искать. За двадцать лет бродяжничества я понял одну простую мысль, что всё это цена за свободу. Пока ты всё не потеряешь, не обретёшь её. Квартиры, машины, работа, деньги, они делают людей зависимыми. Я не говорю, что это плохо. Просто... Ай, да и ладно. — Он махнул рукой. — Знаешь, был у меня один знакомый. Так вот однажды он мне такую вещь сказал: «Мы вышли из пещер, чтобы устремиться к звёздам. А получилось так, что мы вышли из пещер и загадили эту прекрасную планету». Я прочувствовал его слова, когда оказался на улице. Я начал обращать внимание на то, что выбрасывают люди. Они избавляются от всего, даже от собственных детей. Это я тебе серьёзно говорю. Слышал я разок о том, как в мусорном баке младенца нашли. Представляешь?

Ночь прошла незаметно. Лишь под утро я ненадолго задремал, прислонив голову к холодному бетону.

Меня разбудил мужик:

— Пойдём, на электричке прокатимся.

Оказалось, что потерявшийся отец не хотел ждать, пока дочь приедет за ним. Он собрал какие-то вещи в старый чемодан, я оклемался, и мы двинули в путь.

Мужик сообщил, что на станции у него есть какие-то знакомые. Когда нас окликнули двое охранников, одетых в оранжевые жилеты, я хотел убежать, но оказалось, что это и были те самые знакомые. Один из них настойчиво приглашал нас в сторожку.

— Пойдёмте, мужики! — уговаривал он. — У меня жена такой плов сготовила. Ой, тарелку будете облизывать. Пойдёмте, говорю. Сытый живот — светлая голова.

В уютной коморке мне наложили целую тарелку плова и налили чашку чая. Первые несколько минут поедания кулинарного шедевра сопровождалось грубыми мужскими стонами. Плов был настолько вкусным, что каждый из нас был готов рукоплескать, чтобы поблагодарить мастерицу, которая его приготовила.

Когда охранники узнали, что их знакомый направляется к дочери, они скинулись ему на дорогу, записали ему номера своих телефонов и сказали, чтобы он позвонил, как доберётся.

— Слушай, а ты чего нас никогда не просил отыскать твою дочь в интернете? — спросил один из мужиков.

— Вы и не спрашивали, — ответил бездомный. — Да и про интернет этот я толком не понимаю. А оно во как, оказывается.

— Ну ладно, ты, если что, звони, если будут какие проблемы, — добавил один из них, — поможем, чем сможем.

Попрощались мы с ним на перроне, он отправился к дочке, а я пошёл искать место, где мог наконец вздремнуть.

Вождь красномордых

Я много лет проработал на заводе. Тысячи дней мне пришлось провести, выполняя одинаковую работу, я даже ходил по одному и тому же маршруту. Это были тысячи монотонных дней, которые пролетели в моей жизни будто мгновение. Будто плевков в окно.

Но несколько дней в дороге показались мне вечностью, наполненной впечатлениями. Здесь постоянно что-то происходило, не считая долгих часов ожидания попутки. Дорога связывала события и людей, между которыми простирались тысячи километров лесов и полей.

А я по-прежнему шёл по асфальтовому покрытию, тянущемуся за горизонт, не имея цели. Цель не имела никакого значения. Я просто становился свидетелем разных событий, а иногда их участником и даже жертвой.

Мимо меня с огромной скоростью проехал внедорожник. Он пронёсся словно пуля. Поток воздуха, вызванный им, чуть не сорвал с меня одежду. Машина остановилась в метрах пятистах от меня, а затем сдала назад и подъехала. Дверь открыл здоровенный красномордый мужик и сказал:

— Залазь, подвезу!

Я сел на переднее сиденье, и мы рванули. Имени его я не запомнил, поэтому в моей памяти он остался как обычный мужик с красной мордой. Сначала я немного рассказал ему о себе, о том, что просто путешествую, а затем он выдал:

— Вот я ушёл от жены, и мне так хорошо. Продав гараж, автомастерскую брату отдал, а сам еду на море, куплю себе какую-нибудь лачугу на берегу, заведу собаку и буду кайфовать.

Мужик он был весёлый, говорил громко, иногда ударял по рулю.

— Свобода! — повторял он. — Это великий дар! Я уехал от всего, от жены, от глупого сына, который в восемнадцать лет решил жениться. И не жалею. Возвращаться не хочется. Два месяца уже разъезжаю и остановиться не могу. Вот ты давно путешествуешь?

— Не очень, я в этом деле новичок.

— Женат?

— Не.

— Правильно! Я вот по глупости женился в двадцать лет, а потом двадцать лет жалел. И только недавно понял, что мне это не нужно. Вот: дорога, просторы, в общем, свобода — всё, что нужно для счастья. Пацан, не отпускай это, останься среди этого подольше. Это мой тебе совет.

Совет был дельный. Многие люди, которые меня подвозили, наоборот, советовали поскорее жениться, они говорили что-то вроде: «Я в твои годы уже был женат». Женщины твердили: «Жениться тебе надо, нечего шляться по дорогам». Но никто из них не мог назвать преимуществ женитьбы, притом что жить вместе можно и без штампа в паспорте.

— Нужны курсы мужиков, — говорил красномордый, — чтобы слюнявых мальчишек отрывали от маминой титьки и учили жизни. Вот даже взять моего сына, к примеру, он интересуется всякой хренью. Его мамаша отдала в детстве на бальные танцы. Я был против, но возражать не стал, сыну-то понравилось. Ну вот и вырос он «утончённой натурой», ходит теперь секеля облизывает. Поэтому надо такие курсы организовать, где будут учить быть мужиком. Я не имею в виду пить пиво и смотреть футбол. Нет. Я имею в виду таких мужиков, которые знают, чего хотят и не идут на поводу у других, а особенно у баб. Вот ты сам подумай, пацан, чему детей учат родители? Вырастишь, отучишься и женишься. Правильно?

Я согласился и просто кивнул.

— НА ХУЮ Я ВЕРТЕЛ ТАКУЮ ЖИЗНЬ! — прокричал мужик. — Вся жизнь сводится к тому, чтобы мальчишки обслуживали девочек и выращивали детишек. Я не говорю, что это плохо. Вот опять, взять моего сына, этому болвану восемнадцать лет, а он не видит перед собой

никаких перспектив, кроме как ублажать задницу своей подруги. У него нет ни желаний, ни увлечений, его волнуют только причёска и шмотки. А друзья у него точно такие же, женоподобные. Сегодня уже становится ясно, что миром правят не деньги, а пизда! И вот что я тебе скажу, пацан: пока она не налезла на твою голову, живи и радуйся жизни. И даже не вздумай туда влезать.

Вместе с ним я проехал километров двести. Когда мы подъезжали к какой-то деревне, мужик пригласил меня в гости к своим родителям, сказав: «Поехали, посмотришь, как люди в глубинке живут». Я подумал, что идея неплохая, и согласился.

Вскоре мы заехали в деревню. На улице было темно. Только в домишках горел свет, а уличные фонари не работали.

В доме его родителей было невероятно тепло и уютно. Там нас встретила пожилая мать красномордого. Она нас накормила, а потом полночи сидела у окна и смотрела во двор. Оказалось, что пару дней назад её дед ушёл к другу и не вернулся, она всё сидела и ждала его. Когда красномордый спросил про отца, она ответила что-то вроде: «Ушёл окаянный, к дружку своему, гаду безногому, чтоб ему провалиться».

Следующим утром я сидел на крыльце и дышал чистым свежим воздухом. В деревне свежий воздух пахнет навозом. За оградой вдруг возник трясущийся старик с седой щетиной. Старик этот едва стоял на ногах, одной рукой он держался за забор, а другой — за сердце. Я уже был готов помочь, но меня остановил яростный вопль бабки, который, словно рёв сирены, раздался за моей спиной.

— Ах ты, собака такая! — кричала бабка. — Где же тебя носит?!

И вместо тёплых объятий стала избивать его тряпкой. На лице старика отразился неподдельный ужас. Он уже не держался за сердце, а бегал от старухи как олимпийский чемпион, а бабка била его тряпкой и кричала:

— Ишь ты, страдалец! Опять связался со своим дружком безногим! Тому ноги по самые помидоры отрезало по пьянке, и ты того же хочешь! Эх, падла!

Наконец бабка выдохлась и схватила за бок, тяжело дыша. У деда был шанс убежать, но он им не воспользовался, вместо этого он начал медленно подходить к жене, тихо приговаривая:

— Ну ты чего? Ну хватит, что ли? Ну выпил немножко.

— Немножко?! — перебила его бабка. — Три дня тебя где-то носило! Сволота!

Бабка направилась к дому, а дед поковылял следом за ней. Дойдя до порога, он посмотрел на меня и попытался стрельнуть сигарету, постучав двумя пальцами по губе. Я сказал, что не курю, он махнул рукой и удручённо вошёл в дом.

Ближе к вечеру мы кололи дрова. К забору подошла молодая соседка и рассказала, что у неё пропала корова. Красномордый блистал оголённым пузом и пытался заигрывать с девицей. В итоге она пригласила нас на местную вечеринку.

По пути на гулянку мы увидели, как один из местных вышел на крыльцо одетым в простыню и резиновые сапоги. В руках он держал вантуз, привязанный к длинной палке, а мысли свои излагал как повелитель всего сущего.

— Аз есмь! — торжественно воскликнул он. — Преклонитесь предо мною, ибо я повелитель всего сущего, за мной стоят орды могущественных существ и парят огнедышащие драконы.

В соседнем огороде бабка полола траву. Увидев сие чудо, она разогнулась и сказала:

— Ты чего, Косой, опять самогон мухоморами закусывал?

В ответ Косой ударил своим посохом по деревянному крыльцу:

— Молчи, старая! Узри же моё могущество и присягни мне на верность.

Затем он скинул с себя простыню и гордо зашагал по заросшей тропинке, опираясь на посох. На нём остались лишь рваные семейки и резиновые сапоги. В таком виде он пошёл по деревне, наверное, осматривать свои владения или проведать драконов.

Проходя мимо нас, он вытянул перед собой руку и сказал:

— Не бойтесь, други мои, в царствие моём вам ничто не угрожает. Вы под моим светлым крылом, оно-то и убережёт вас от тёмных сил.

Бабка посмотрела ему вслед, плюнула и продолжила полоть траву.

Позже случилось застолье. Не знаю, что послужило поводом собраться, но поляна была знатная. Людей было немного, все местные. Одна пухлая тётка странно на меня смотрела, покусывая губы и облизываясь. Это не выглядело как попытка соблазнения, скорее всего, она хотела меня съесть, хотя на столе было полно еды.

Я не пил и особо не разговаривал, оставаясь простым наблюдателем. Поначалу всё было мирно, люди общались, жарили шашлык, а когда стемнело, я стал свидетелем непонятного конфликта. Красномордый что-то не поделил с каким-то худощавым мужиком, приехавшим на тракторе. Я подошёл, когда красномордый замахнулся, чтобы ударить того бедолагу. Мне показалось, что от удара он улетит в соседнюю деревню, но, похоже, что тракторист в прошлом занимался фигурным катанием, поскольку от удара он сделал тройной тулуп и рухнул на землю. Красномордый пнул его вдобавок, а затем направился в мою сторону.

Тракторист, хоть и был на вид хилым, быстро встал на ноги и даже протрезвел немного. Какая-то баба, как оказалось потом — подруга этого тракториста, схватившись за топор, бросилась на красномордого. Тот ловко увернулся, а баба продолжила его преследовать. Тракторист пытался её остановить, но она оттолкнула его с такой силой, что тот просто улетел в траву и не вылезал оттуда, наверное, до самого утра.

— Беги, пацан! Спасайся! — кричал мне красномордый, убегая от рассвирепевшей машины.

Она неслась за ним, набирая скорость.

Неожиданно прямо перед ней возник Косой. Он предстал перед ней в рваных семейках, словно герой, спасающий мир, и, ударив своим посохом о землю, воскликнул: «ТЫ НЕ ПРОЙДЁШЬ!» Она снесла его, будто стадо разъярённых носорогов, и продолжила преследовать красномордого. Лишь на мгновение я увидел её свирепую физиономию и почувствовал её стремление в прах обратить всё живое, что встанет на её пути. Этого мгновения хватило, чтобы я рванул как ошпаренный.

Мы с красномордым даже не забежали в дом к его родителям, сразу запрыгнули в машину. Он — на пассажирское место, а мне сказал сесть за руль. Дальше всё происходило как в фильме ужасов. На улице уже темнело. Я трясущимися от страха руками пытался вставить ключ в замок зажигания. Когда я повернул ключ, зажглись фары и осветили эту бабу, возникшую перед нами, словно смерть.

Она громко закричала и начала кулаками бить по капоту. У меня чуть инфаркт не случился, но я всё-таки смог завести машину. Баба демонстративно расправила руки и, похоже, собралась навалиться на капот. Но к нам на помощь пришёл воин света в резиновых сапогах, он своим посохом-вантузом ткнул в лицо злому великану, ослепив его на мгновение и подарив нам шанс на спасение.

Косой проиграл в битве с бабой. Она вырвала посох и, ударив им воина света по голове, обратила того в бегство. Но я успел среагировать во время секундной передышки, включил заднюю передачу и дал по газам. Клубы пыли и куски грязи вырвались из-под колёс и забрызгали тётку. Водитель из меня херовый, поэтому машина тут же заглохла, а баба свирепо зарычала, расправив руки со сжатыми кулаками, и рванула за нами. Я запаниковал, и опять мои трясущиеся руки пытались нащупать ключ.

Замок зажигания сработал, и мы бросились удирать. Я жал педаль в пол, машина прыгала по кочкам, мы бултыхались в салоне, будто ехали верхом на безумной лошади. Красномордый вцепился в сиденье, как в спасательный круг во время шторма, и напрягся так, что выглядел как помидор, готовый лопнуть в любой момент.

Даже когда мы выехали на трассу и, казалось, ушли от погони, меня не покидало чувство, что эта женщина продолжает нас преследовать. Я предложил не останавливаться и проехать ещё как минимум десять тысяч километров, чтобы быть уверенными в том, что она не вцепится в наши глотки.

Красномордый ответил:

— Делай что хочешь, я пока вздремну.

К счастью, мой рюкзак был в машине. В доме его родителей остались лишь полотенце и зубная щётка. Я остановил машину в лесу, рядом с ней поставил палатку, поскольку находиться в машине с красномордым я не мог, от него ужасно пахло потом и перегаром.

Утром он разбудил меня, пнув палатку:

— Вставай, пацан, поехали, в речке искупаемся.

Он уже был выпивший, стоял с банкой пива, которую взял неизвестно откуда. Позже я узнал, что у него в багажнике был припасён целый ящик.

По пути на речку красномордый вдруг начал философствовать. Потягивая пиво, он говорил:

— Любовь мертва, пацан. Всё, что показывают про вечную любовь в фильмах, — это хрень. Это просто бизнес. Любовь живёт только там, среди персонажей, по определённому сценарию. В реальности, если хорошо относиться к женщинам, они не будут тебя лелеять и заботиться о тебе, они будут тебя использовать, а самое главное — пилить, ковырять тебя и пытаться спровоцировать. Если будешь жить с женщиной, скажи ей так: «Либо будет так, как я сказал, либо никак». Я вот не смог жене так сказать с самого начала, зато увидел её подлинную сущность. Я её не виню, это и моя вина тоже.

— В общем, любовь — это страшный миф? А что же тогда люди испытывают друг к другу? — спросил я.

Он рыгал, бросал пустые пивные банки на заднее сиденье и продолжал твердить:

— Наверное, любовь возможна, когда мужчине и женщине не нужно ничего друг от друга. Я имею в виду людей, которые готовы дать друг другу что-то, а не взять. Но разве такое возможно? Я по себе знаю, что отношения с женщиной — это просто бытовуха. Ты приносишь в дом деньги, а женщина следит за хозяйством, вот и вся любовь. Да и вообще, что это такое, любовь?

— Мне кажется, это способность дать что-то безвозмездно.

— Ну вот смотри, я привёл женщину в свой дом, кормил её, одевал, давал денег, а любви нет. Ты думаешь, она меня любила? Нет! Пилила как заведённая. Этого ей мало, того не хватает. Надеть нечего. Съездить хочет туда, а не сюда.

— И как тогда быть? Вообще, что ли, с женщинами нельзя связываться?

— Жить! — воскликнул красномордый. — Дышать! Наслаждаться! Забей ты на эти ходячие пряники. Их вон сколько, тьма. А ты один. Делай что хочешь и другим не мешай. Вот когда мужик не знает, чего хочет, он начинает действовать так, как говорят другие. Ты думаешь, я хотел жениться в двадцать лет? Ну уж нет! Я хотел путешествовать, купаться в море, заниматься дайвингом, а занимался лишь тем, что работал и кормил семью. Да и вообще жил как в подводной лодке, вокруг меня был целый океан возможностей, а я плыл в жестяной банке среди холодных глубин.

— Неплохо звучит, — подметил я.

— Ты записывай. И знаешь что? Я даже капитаном не был на этой лодке. Я был обычным матросом, на голову которому надели пизду и сказали, что это перископ. И что я мог увидеть? Ничего!

На речке мы встретились с «интересными людьми». Девушка и парень лет двадцати стояли, крепко обнявшись. Они были обёрнуты алюминиевой фольгой, вокруг них бегали две маленькие девочки и обмахивали их дымящимися ветками. Рядом стоял какой-то старец и, закрыв глаза, произносил «любовное заклинание».

— Любовь не покинет ваши объятия! — вещал он. — Дым прогонит зло, рушащее идиллию трепета. Вы становитесь единым потоком, несущимся сквозь время, а ваши энергетические поля сливаются в одно целое. Земля, воздух и вода становятся свидетелями столь благодатного и прекрасного союза, пусть они по жизни будут вашими союзниками и не позволят разрушить вашу пару...

Красномордый хлопнул себя ладонью по лбу и сказал:

— Вот видишь, пацан, до чего людей глупость доводит? Стоят у берега реки, укрывшись фольгой, и скрепляют свой союз под проповеди какого-то шарлатана. Тупорылые создания.

Затем он подошёл поближе и начал высказывать старику:

— Слышь, старый, зачем ты им в уши ссышь? Скажи правду. Они проживут пару годиков вместе, а когда бабочки в животе сдохнут, начнут ненавидеть друг друга....

Его монолог прервали девочки, которые стали отгонять его дымящимися ветками, словно страшного монстра, пытавшегося прервать ритуал по созданию «идеального союза».

— Стойте, — остановил их старик, — пусть говорит.

— А чего тут говорить-то? Посмотри на этих придурков под фольгой, они явно не живут интеллектом, а их эмоции однажды пройдут, и тогда настанет интересная пора, когда они будут делить имущество. Так что запомните: не земля и воздух — ваши союзники в отношениях, а брачный контракт.

— Посмотрите же, дети мои, на этого несчастного человека, — начал старик. — Он явно не смог обрести семейного благополучия. Ведь его союз не был благословлён силами природы. Он страшный, мерзкий, злой и противный. Он — это зло, способное разрушить благодатный союз...

Пока старик брэнчал свои заклинания, красномордый спросил у меня:

— Пацан, он это серьёзно?

В ответ я пожал плечами и продолжил наблюдать за представлением. Молодая парочка не покидала своего укрытия из фольги, будто прячась от дождя, ну или от иных невзгод, способных разрушить их «благодатный союз».

— Грязь, ничтожество, подлость и предательство, — продолжал старик, — в этом человеке таятся все пороки, и именно они мешают ему быть счастливым, они очерняют его...

— Слышь, старый, — крикнул красномордый, нахмутив брови, — я тебя сейчас обоссу, если ты свой фонтан не закроешь. Иди отсюда, хватит людей дурить.

Старик не стал конфликтовать, он сложил руки за спину и ушёл, а остальные участники ритуала отправились за ним. Похоже, что они сильно обиделись на красномордого, хотя ему было всё равно.

Потом он подкатил к двум блондинистым женщинам, загорающим на берегу. Вкус у красномордого был интересным. Женщины были довольно крупными, бесформенными и не слишком молодыми. Они не вызывали во мне никаких приятных ощущений и никакого желания общаться с ними. Одна из них облизнула палец и подмигнула мне, тогда-то я понял, что пора сваливать. Я поблагодарил красномордого за компанию и отправился на дорогу, а он остался с этими женщинами.

Дорога никуда

Разные события сменялись долгими и порой утомительными попытками поймать попутку. Пешком идти было интересно, но идти бесконечно не позволяли устающие ноги, требующие отдыха. Иной раз попытки поймать машину были безуспешны.

Целый час я простоял под палящим солнцем в надежде, что меня подбросит хоть кто-нибудь. Мимо проехали, наверное, тысячи машин. В итоге мне пришлось преодолеть пешком километров десять до ближайшей автостанции. Добрался я поздно, станция была уже закрыта.

Я сел на лавочку, освещённую одиноким фонарём, и, ни о чём не думая, растворился в прохладном вечере. Чистое звёздное небо и звуки сверчков напоминали о том, что я так и не добрался до удобной кровати отеля. Я настолько устал, что был готов заснуть прямо на лавочке. Но прилечь мне так и не удалось, поскольку рядом со мной, словно из ниоткуда, возник незнакомец. Он пристально смотрел мне в глаза и моргал.

— Тебе куда? — вдруг спросил он.

Мне показалось, что это обычный таксист, хотя выглядел он немного придурковато.

— Да я ещё не решил... — неуверенно пробубнил я.

— Я это сразу понял. Ты не выглядишь как турист. Ты, по ходу, авантюрист.

Понять, что я не обычный турист, было нетрудно, рядом со мной стоял огромный рюкзак, на котором висела палатка, каремат и спальник.

— Нет, — почему-то возразил я. — Я обычный парень.

— Да не бойся ты, — сказал он. — Я просто присел отдохнуть. С автостопом в этих местах трудновато. — Он с некоторым разочарованием вздохнул и добавил: — Разучились люди доверять.

— Это да. Я сегодня часа два простоял на жаре, пытаюсь поймать машину.

— А как тебя вообще сюда занесло?

— Безделье и безработица, — заявил я. — Пытаюсь вот путешествовать.

— Ищешь себя, как все «нормальные» люди? — Слово «нормальные» он произнёс с иронией. — Почему бы тебе не бухать, как все порядочные бездельники?

— Это слишком легко. Бухать легко. Курить легко. Я боюсь спиться и проснуться от того, что меня пытается поиметь собака.

Незнакомец улыбнулся.

— Талахая, — дружелюбно произнёс он, протянув мне руку.

Я представился в ответ и пожал его крепкую ладонь.

— Ты случайно не из лагеря для просветлённых обезьян?

— Нет.

— Тогда что это вообще такое, Талахая? — спросил я. — Это имя или прозвище?

— Так называла меня моя Мария. Моя девочка.

— Жена?

— Больше. Любовь всей моей жизни. А что это за лагерь такой?

— Это просто лагерь, где собираются разные люди. Один мужик рассказал мне свою теорию, согласно которой люди — это просветлённые обезьяны.

— Короче, лагерь бездельников, — заключил он. — Собираются там, играют на гитарах, плетут венки из цветов и бредят о мире во всём мире. Видал я таких персонажей.

Талахая не был похож на сентиментального влюблённого мальчишку. Это был грубоватый и весёлый мужик лет тридцати пяти. На нём была голубая рубашка с короткими рукавами, на которой были изображены какие-то иероглифы.

Он посмотрел на дорогу, по которой изредка проезжали машины и заполненные туристами междугородние автобусы, а затем повернулся ко мне и спросил:

— Как думаешь, у нас есть шансы уехать отсюда?

— Ну не знаю, — засомневался я. — Места здесь, кажется, не особо приветливые. Я сегодня так и не смог никого поймать.

— Это вообще возможно? — удивился он, а затем встал и, уверенно подойдя к дороге, начал голосовать.

Я прилёг на лавку и просто наблюдал. Вспомнив двух парней, которые предупреждали меня о том, что в здешних краях трудности с автостопом, я не питал особых надежд. Спустя минут пять дорога осветилась бликами фар.

— Смотри, сейчас мы отсюда уедем, — без тени сомнений сказал Талахая. — Ты со мной, парень?

— Да, с тобой. Но думаю, мы до утра здесь проторчим.

Не успел я договорить, как прямо перед ним остановился белый внедорожник. Из салона послышался женский голос. Талахая подошёл к окну и сказал что-то, после чего из машины раздался громкий женский смех. Затем мой попутчик развернулся и, махнув мне рукой, прокричал:

— Ну что, юный друг, ты едешь?

Мне показалось это чудом, что первая машина, которой он махнул рукой, остановилась.

Мы уселись на заднее сиденье. За рулём сидела красивая женщина лет сорока. Её кожа светилась изысканным блеском, а русые кудри колыхались, когда она поворачивала голову, глядя на нас. Рядом сидела её совершеннолетняя дочь, но она меня так не зацепила, как её мамка, которая мило улыбалась в зеркало заднего вида.

— Ну что, куда путь держим? — спросила мамка нежным голосом.

— Скитаемся, — заявил Талахая. — Словно птицы, раскинув крылья, мы летим, разрывая воздух, пробиваем себе путь в пространстве.

— Вы что, поэт? — обернувшись к нам, спросила дочка.

Талахая придвинулся к ней и довольно грубо спросил:

— Разве я похож на придурка?

Девчонка смутилась, а мамка улыбнулась.

— Вам не нравится поэзия? — спросила она. — А я всегда считала, что путешественники — люди романтичные.

— Скитания — наша романтика, свежий воздух, распахнутые крылья и бесконечная свобода. А слова, сложенные в рифмы, нужны хлюпикам и придуркам.

— Ну не знаю. Когда я училась в университете, один мой сокурсник был в меня влюблён и писал мне стихи. Мне это очень даже нравилось.

— Но он так и не стал обладателем такой прекрасной девушки, как вы, — уверенно заявил Талахая. — Вы его не выбрали, потому что сочли слабым.

Он говорил так, словно знал всё на свете. Делал выводы, вовсе не ожидая, что с ним начнут спорить. Улыбка с лица дамы вдруг исчезла, и на нём появилось выражение удивления.

— Скажем так, я не успела его выбрать. Мы окончили университет и больше не виделись.

Талахая ничего не ответил, просто увёл взгляд за окно. Я решил слегка подогреть обстановку и шутиливо спросил:

— А вам не страшно подбирать незнакомцев поздно ночью на дороге?

Женщина снова улыбнулась, посмотрев в зеркало, и сказала:

— Трудно проехать мимо таких мужчин.

А её дочка добавила:

— А вам не страшно ходить непонятно где и садиться к незнакомцам в машины?

— Я, честно говоря, иногда побаиваюсь, — признался я. — Но мой авантюризм сильнее страха. В этом деле главное — настрой. Если сильно бояться, то можно вообще не путеше-

ствовать, купить путёвку у туроператора и матрасничать где-нибудь в безопасном отеле. Но в таком месте трудно найти приключения.

— Это так интересно. А можете рассказать о своих приключениях?

Я задумался и вдруг понял, что, несмотря на череду событий, случившихся со мной на дороге, рассказать мне особо нечего. Я бы просто не смог передать смысл этих «приключений».

Поэтому я просто отшутился:

— Я побывал в городе, который захватили гуси.

— Это как? — спросила дочка.

— На самом деле гуси были единственными, кого я встретил в том городе. У одного из них клюв был похож на военную фуражку.

— Прикольно. А куда вы направляетесь сейчас?

— Как обычно, никуда.

Мне удалось немного поспать. Разбудил меня Талахая.

— Просыпайся, бродяга, — сказал он. — Мы выходим.

Я даже не спросил, где мы находимся. Мы просто вышли из машины, стоявшей на обочине, встали на дороге и махнули женщинам на прощанье.

— Не будем их смущать, — сказал Талахая. — И так подвезли нас.

Близился рассвет. Неподальёку было море, и мне пришла идея встретить его на берегу. Талахая пошёл за мной. Я его не боялся, да и вообще, мне всегда казалось, что на дороге редко можно встретить кого-то опасного. Люди с большими рюкзаками за спиной, встречавшиеся на моём пути, оказывались теми, кому я без труда мог довериться.

Однажды я встретил молодую пару, за спинами которых, как и за моей, висели их жилище и пища. Мы поздоровались как старые знакомые и побеседовали. Мне казалось, что мы представители некоего братства, непровозглашённого и непризнанного братства бродяг. Я встречал абсолютно незнакомых людей, которые брали меня с собой в горы, а когда мне становилось холодно в сырых гротах, любезно давали мне свою запасную одежду. Порой мне даже расставаться с ними было тяжело.

В предрассветных сумерках я поставил палатку и развёл костёр у самого берега. Звёздное покрывало уже покидало горизонт, сменяясь розоватым свечением. Талахая путешествовал налегке: у него с собой не было ничего, кроме небольшого пакета, в котором он хранил какие-то документы, поэтому я поделился с ним своими припасами. Я открыл консервы, которые назывались «Гречка с сарделькой», разогрел воды для чая, и мы начали завтракать. Сидя на берегу моря, мы молча вкушали скромную трапезу и любовались восходом. Возможно, в моём описании это не выглядит настолько прекрасным и вдохновляющим. Но когда меня охватила свежая морская прохлада, а восходящее солнце озарило горизонт, я понял, как прекрасно небо и всё, что под ним находится, хотя это просто облака, море и горы.

— И всё-таки жизнь прекрасна, — заявил я.

Талахая промолчал и продолжил есть гречку. Спустя несколько минут он рассмеялся. Сначала я не понял, в чём дело, но позже в мой большой нос вторглись ароматы канализационных глубин, и я вдруг понял, что мы остановились неподалёку от места, где сливали канализацию.

— Это вообще законно?! — возмутился я.

Несмотря на вонь, Талахая продолжил завтракать.

— Романтика, — чавкая, сказал он, глядя на восходящее солнце. — Дерьмовая правда.

Он усмехнулся над собственными словами, вычистил банку хлебом и положил её в пакет, а затем спросил:

— Чего бы тебе сейчас хотелось?

— Уйти отсюда, — ответил я, собирая палатку. — А тебе?

Вздыхая, он с тоской произнёс:

— Чтобы моя Мария сейчас была рядом.

— Здесь?! — удивился я. — На пляже, где сливают канализацию?

— Место, мой юный друг, не значит ничего. Помню, купил я пачку сигарет, а мне за это дали магнит с надписью: «Неважно, где ты, главное — с кем». Так вот, это абсолютная правда. Даже самые драгоценные богатства и таинственные вселенские знания мне не нужны, лишь бы она была рядом.

— Так в чём проблема? Она тебя бросила?

Он вздохнул:

— Нас разлучили обстоятельства.

— Расскажешь?

— Ну ты же вроде мой компаньон. Значит, я могу тебе довериться?

— Мы знакомы всего пару часов.

— А мне кажется, что целую вечность. Можешь мне не доверять, но я тебе доверю. Сейчас я еду к ней. Традиционным, «нормальным» способом я не могу до неё добраться, поскольку мой путь — это не просто дистанция между нами, это что-то вроде испытания.

— Ты типа рыцарь, спасающий принцессу от чудовища?

— Сказочник, что ли? — усмехнулся он. — Я скорее чудовище, от которого родители прячут принцессу. Понимаешь, её родители были против наших отношений, потому что в прошлом я был не очень хорошим человеком. Поэтому мне всегда казалось, что я ущербный, неполноценный и недостойный её. Она, правда, пыталась убедить меня в обратном. И вот теперь, когда родители увезли её от меня, я следую за ней, словно верный пёс, пытающийся бороться с собственной никчёмностью.

— Ты кажешься вполне нормальным, — сказал я абсолютно искренне.

— Нормы эфемерны, — твёрдо заявил он. — У них есть границы, которые сначала кто-то устанавливает, а затем меняет. Я бесформенный, как вода. Могу быть и твёрдым как лёд, и парящим как пар, и текучим как жидкость. И всё это — нормально.

— А что же ты такого чудовищного натворил?

— Был неуправляемым бунтарём и раздолбаем, без приоритетов и целей в жизни.

— Мне кажется, ты просто был свободным.

Я собрал мусор в пакет, сложил палатку в чехол и, перед тем как двинуться в путь, спросил:

— А ты, вообще, в какую сторону планируешь направиться?

Он молча указал на дорогу, уходящую вверх от побережья. Мой примерный маршрут, который мог измениться в любой момент, совпал с его, и мы двинули вместе. Мне казалось, что Талахая — очередной попутчик, встретившийся на моём пути, и что он останется в памяти как те, кого я встречал прежде.

Иногда в разговорах со мной Талахая просто замолкал посреди фразы и больше не произносил ни слова. Но даже в обрывках его речей мне виделась истина. Так, он однажды пришёл к внезапному выводу, сказав что-то вроде: «Люди, сбивающиеся в стаи, становятся животными». На это я ответил, что люди и без того животные.

Несмотря на то, что Талахая намеревался двинуться в сторону дороги, мы пошли вдоль берега. Солнце уже взошло. Мы перебирались по валунам. Спрыгивая с высоты, я ощущал, как приседаю под тяжестью рюкзака. Держа в руках лишь маленький пакет с документами, Талахая, словно обезьяна, ловко перепрыгивал с камня на камень.

К полудню мы добрались до живописной бухты, где нам повстречались обнажённые бродяги. Правда, не все они были нагими. Один престарелый мужичок, облачённый в какую-то мантию невероятно бирюзового цвета, сидел, скрестив ноги, и ладонями ударял в бонго. Рядом с ним в изящном танце кружились две милейшие особы: юная девочка и вполне себе зрелая

девушка топлес. На их запястьях были браслеты, издававшие звуки, словно погремушки. Кожа зрелой девушки блестела как драгоценность, которую солнце хотело показать всему миру.

Увидев меня, девушка вовсе не засмушалась, напротив, улыбнулась мило и так таинственно, словно её улыбка скрывала все тайны вселенной. Но меня привлекла отнюдь не улыбка. Ритмичные удары старика даже меня провоцировали пуститься в пляс, а девушка продолжала так соблазнительно извиваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.